

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОБЪЯСНЕНИЮ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ

Мухамеджанова Н.М.

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»,
г. Оренбург

В зарубежной и отечественной гуманитарной науке достаточно длительное время сосуществуют две альтернативные ориентации в исследовании всемирной истории, в том числе и истории культуры, имеющие под собой принципиально различные мировоззренческие основания. Одна из них – эволюционная, основанная на представлении о линейном, быстротекущем времени, характерном для западноевропейской ментальности эпохи Нового времени. Просветительская идея роста, прогрессирующего развития определяет специфические черты эволюционного подхода к социокультурной динамике: представление о единстве человечества и всего культурно-исторического процесса; о его движении к более совершенным формам общественного устройства, а в конечном счете – к некоему «идеальному» состоянию общества; признание существования в истории жестких и однозначных причинно-следственных связей и зависимостей, законов и закономерностей, определяющих развитие общества; европоцентризм, провиденциализм и др. Как частные случаи эволюционного подхода можно рассматривать концепции Э.Б. Тайлора, Л.Г. Моргана, Гегеля, О. Конта, формационный подход К. Маркса и Ф. Энгельса, а также различные концепции неэволюционизма, возникшие в XX веке, в том числе и теорию модернизации.

Как подчеркивает А.П. Огурцов, в большинстве данных концепций культура представляет собой лишь сколок с социальных и социоэкономических процессов и, следовательно, не содержит какой-либо автономности и какого-либо собственного смысла. Культуре, иначе говоря, «принципиально отказано в собственном бытии», «отказано быть автономным миром смыслов, не растворимых и не разложимых в иных процессах – жизнедеятельности личности, экономических, социальных, социоэкономических и т.д.» [1, с.112]. В этом случае разнообразные концепции культуры оказываются не формой постижения ее специфического мира, а вариантом идеологического сознания в контексте социальной жизни и социально-политической борьбы. Такой одномерный подход, применяемый к анализу культуры, демонстрирует свою ущербность, поскольку не позволяет анализировать культуру во всей ее сложности и многомерности.

Однако в истории культурологических концепций всегда существовала и другая парадигма в изучении культуры, которая в современной гуманитарной науке получила название цивилизационного подхода и в рамках которой выделяются две сосуществующие и конкурирующие между собой теории: теория стадийного развития (П.А. Сорокин) и теория локальных цивилизаций (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби и др.).

Эта историософская парадигма, в отличие от эволюционной, основана на циклическом переживании времени и идее постоянного круговорота, возвращения, характерной для философии немецких романтиков. Именно романтики (как немецкие, так и французские) в противовес просветительским концепциям исторического прогресса выдвинули идею множественности культур, впервые обратив внимание на специфичность восточных культур, необходимость возвращения к истокам культур (которые они видели в религии) и поиска специфических методов их изучения. Именно концепции культуры философов-романтиков можно рассматривать как первые варианты концепций культурно-исторических типов.

Эти концепции, возникшие в XIX и XX веках и представленные в учениях таких мыслителей, как Г. Рюккерт, Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, К. Леонтьев, А. Тойнби, сформировались как антитеза эволюционизму в интерпретации культур. Если эволюционизм исходит из утверждения единства человечества и его истории, детерминизма и прогрессизма, то концепции культурно-исторических типов подчеркивают идею множественности культур и их несводимости друг к другу, принципиальное различие в их основаниях (хотя сами эти основания трактуются по-разному).

Неприятие любых универсальных схем всемирно-исторического развития или схем, претендующих на такую универсальность, а также стремление понять каждую культуру в ее неповторимом своеобразии, в ее уникальности определяют то обстоятельство, что различные варианты данных концепций носят описательный характер, а их методологией становится методология описательного естествознания [1, с.117]. Противопоставляя описательную культурологию объяснительной, которая ищет причины исторических процессов и событий, и Н.Я. Данилевский, и О. Шпенглер свои учения называют морфологией культуры, морфологией истории.

Другой особенностью данного подхода к динамике культуры стало отрицание европоцентризма, который был характерен для исторического сознания, проецировавшего особенности формирования и развития западных культур на другие культуры в качестве всеобщих. Такая установка не позволяет понять особенности не только других культур, но и особенности самой европейской культуры. Их можно понять только в том случае, если европейская культура будет сопоставлена с иными. Критика европоцентризма была одновременно и критикой прогрессизма, когда сложный путь развития культур унифицировался и мыслился как линейное восхождение к единственному ее типу. Именно поэтому концепции культурно-исторических типов в зарубежной и отечественной литературе часто интерпретировались как выражение кризиса буржуазного общества, как свидетельство краха его фундаментальной ценностной установки – установки на прогресс [1, с. 113].

В XX веке концепции культурно-исторических типов освобождаются от натурализма и своей ориентации на методы естествознания и развиваются как теории социокультурной динамики, базирующиеся на сравнительно-историческом исследовании культур и цивилизаций. Этот переход от морфологии культур к социокультурной динамике осуществляется

П.А. Сорокиным и А. Тойнби. Идеи замкнутости и непроницаемости культуры как целостного организма, цикличности ее развития дополняются представлениями об обусловленности форм и типов культуры различными факторами: географическими, историческими, религиозными, социально-экономическими (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, П.Н. Милуков, Н.А. Бердяев, Л.Н. Гумилев), представлениями о динамике культуры как ее «ответе» на внешний «вызов» – «вызов истории» (А. Тойнби).

Утверждение цивилизационного подхода к объяснению социокультурной динамики было связано с драматическими событиями XX века, которые привели к дискредитации идей прогресса, к крушению постулатов панлогизма, европоцентризма, «линейного» историцизма в истолковании культурного процесса. Эволюционные концепции, выступавшие в течение длительного времени источником легитимации рациональных проектов переустройства общества в соответствии с представлениями об идеале, окончательно лишились доверия человечества. А в постмодернистскую эпоху подобные теории, претендующие на универсальность и верность теоретических конструкций «идеального общества», объявляются технологиями господства, скрытыми орудиями власти, подчиняющими человека внеличностным целям.

В советском обществоведении исследование проблем социокультурной динамики базировалось на теоретических установках марксизма и практике построения социализма в СССР. Социалистическая модель развития рассматривалась в качестве безальтернативной и предрешенной по своим результатам, а теория локальных цивилизаций подвергалась ожесточенной критике со стороны советской науки. И только с распадом СССР проблемы социокультурной динамики, истории отечественной культуры стали активно обсуждаться с самых разных мировоззренческих и методологических позиций.

Отечественная наука о культуре постсоветского периода серьезно обратилась к разработке новых и освоению общепризнанных мировых методологий общественных наук. Место всеобъемлющего метода – диалектического – стали занимать многообразные подходы и методы, применявшиеся российскими культурологами в комплексном единстве.

Во-первых, осуществляется поворот от формационного метода к цивилизационному, от учения К. Маркса и Ф. Энгельса об общественно-экономической формации к теории цивилизации. Этот поворот уже в 60-е годы намечался и обосновывался в работах Л.Н. Гумилева. В 90-е годы большинство культурологов России стали широко использовать этот подход, позволявший изучать историю человечества как «единство в многообразии» – единство разнообразных локальных цивилизаций. Поворот отечественной гуманитарной науки в 90-е годы к теории локальных цивилизаций оказался достаточно продуктивным и широко используется в трудах российских авторов: Б.С. Ерасова, О.А. Сергеевой, Ю.В. Яковца, Г.А. Аванесовой, В.Б. Земскова, Л.И. Семенниковой, С. Семенова, Я.Г. Шемякина, Г. Померанца, И.Г. Яковенко, М.П. Мчедлова, В.В. Трепавлова, А.С. Ахиезера, И.В. Кондакова, А.С. Панарина, А.Я. Флиера и других. В их работах

утверждается идея многофакторности и многолинейности исторического процесса, особой значимости культуры в цивилизационной динамике и т.д.

Утверждение цивилизационной парадигмы порождает в отечественной гуманитарной науке различные попытки объединить два подхода, создать теорию, которая обеспечила бы их синтез и взаимодополняемость. Однако далеко не со всеми попытками совмещения данных подходов можно согласиться. Так, Л.И. Карташова, решая проблему совмещения формационного и цивилизационного подходов, утверждает, что цивилизационный подход выступает как доминирующий на стадии докапиталистической, предшествующей масштабной глобализации. Сегодня же «доминирующими оказываются не различия между цивилизациями, а между развитыми капиталистическими центрами и менее развитой мировой «провинцией». Все страны можно разбить на группы, в соответствии с повышением степени индустриализации: страны раннекапиталистического, среднекапиталистического и позднекапиталистического развития» [2, с. 67].

Следуя логике автора названной статьи, следует сделать вывод о том, что в капиталистическую эпоху цивилизационные (культурные) различия стираются, а на первый план выходят различия в уровне экономического развития. Однако, на наш взгляд, данный вывод, во-первых, не согласуется с наблюдаемой в настоящее время и получившей отражение в научной литературе тенденцией актуализации культурных различий и «столкновения цивилизаций». Во-вторых, обращает внимание на неразличение автором статьи процессов, относящихся к культуре, с одной стороны, и к социальной, экономической, технологической составляющим общественной жизни – с другой. Поэтому точка зрения автора, представленная в статье, представляется и путаной, и недостаточно убедительной.

Одну из таких попыток объединить два подхода, обеспечить их синтез и взаимодополняемость, представляет и концепция А. Ковалева [см. 3]. Автор указывает на недостатки обоих подходов к объяснению истории. Цивилизационный подход, отрицая единство человечества, часто игнорирует факты повторяемости истории, преемственности между различными цивилизациями, а саму историю представляет как замкнутое круговое движение, не позволяющее говорить о прогрессивном развитии. Формационный же подход, напротив, делая акцент на повторяемости эпизодов истории, их поступательного характера, не способен объяснить специфику отдельных социальных организмов, отсутствие повторяемости в их развитии.

Поэтому, на взгляд автора, необходим новый подход, который обеспечил бы синтез формационного и цивилизационного подходов; представил бы человека в органическом единстве с природными и социальными условиями его бытия; объединил бы западную и восточную общественную мысль, устранив ограниченность каждой из них.

В основу своего подхода А. Ковалев кладет «способ производства общественной жизни как некую совокупность человеческого потенциала, социальных условий и природной среды» [3, с. 98]. Все человечество – единый социально-природный организм, в котором развитие цивилизаций предстает

как отмирание одних частей и смена их другими, молодыми и более жизнеспособными.

Главной задачей человека, в каком бы обществе он ни жил, является задача адаптации его к условиям своего существования – к природной и социальной среде. *Адаптация к природной среде* (естественной) порождает расовое и этническое своеобразие, различные способы организации общественной жизни, т.е. порождает цивилизационные (культурные) различия. *Адаптация к социальной среде* порождает социальные структуры, определенный способ производства, т.е. формацию.

Адаптация к природной среде первична. Сначала возникают племена, роды, нации, государства, обладающие своей территорией, обычаями, менталитетом. Затем общество начинает делиться на классы, сословия, но это деление происходит в рамках этнических общностей. Таким образом, цивилизационные (культурные) различия – это различия видовые, а формационные – различия возрастные. Чем значительнее различаются природные условия существования общества и культуры, тем больше они отличаются друг от друга, и наоборот. Затем, если уровень производства перекрывает различия, уменьшается их роль в адаптационных процессах.

Различия европейского и азиатского способов производства детерминированы различными формами адаптации общества к социально-природной среде. В первом случае – это интенсивная адаптация за счет увеличения искусственной природы; во втором – экстенсивная адаптация за счет увеличения численности населения и организации.

Формационные и цивилизационные различия могут накладываться друг на друга, оказывая взаимное воздействие. В рамках одной цивилизации могут постепенно чередоваться разные формации, и наоборот, одна и та же формация может быть присуща разным цивилизациям. В силу указанных различий формационный подход больше отвечает задачам исследования социально-экономических процессов, а цивилизационный – анализу культурных процессов, где определяющую роль играют духовные установки и ценности, творческие способности и возможности личности.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что критика идей К. Маркса и Ф. Энгельса как теоретического обоснования идеологии эксплуатируемых классов, нисколько не умаляет значения их историософской концепции. И сегодня многие авторы, отдавая дань духу времени и весьма критически высказываясь относительно методологии марксизма-ленинизма, тем не менее, активно используют понятийно-категориальный аппарат марксизма при анализе различных проблем современного обществознания. И в этом смысле позиция А. Ковалева, на наш взгляд, является достаточно продуктивной, поскольку позволяет четко определить эвристические возможности каждого из подходов, обозначить границы их применения, а значит, в какой-то мере способствует преодолению той методологической эклектики, которая характеризует состояние общественных наук в современной России.

Список использованных источников

1. Огурцов, А.П. Концепции культурно-исторических типов / А.П. Огурцов // *Постижение культуры : ежегодник. Вып. 5-6.* – М.: Российский институт культурологии, 1996. – С. 112-149.
2. Кондрашова, Л.И. Проблема периодизации исторического процесса с точки зрения теории формаций, модернизации и синергетики / Л.И. Кондрашова // *Синергетика: человек и общество: сб. ст. / под ред. В.К. Егорова.* – М.: Изд-во РАГС, 2000. – С. 67-75.
3. Ковалев, А. Еще раз о формационном и цивилизационном подходах / А. Ковалев // *Общественные науки и современность.* – 1996. – №1. – С. 97-104.